

о. ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

протоиерей

БЛАГОУХАНИЕ

*К 150-летию со дня рождения преподобномученицы
Елизаветы Фёдоровны Романовой*

Наталья Романова. “Гефсиманский сад”. Нижний Новгород, издательство “Родное пепелище”, 2014, 352 стр.

1 ноября сего года исполнилось 150 лет со дня рождения Елизаветы Фёдоровны. Удивительно то, как наше общество скромно откликнулось на её юбилей! В потоке книг, выходящих ежегодно, проплыла лишь одна лодочка, посвящённая этой святой. Написана она замечательной писательницей Натальей Романовой и называется “Гефсиманский сад”.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна (при рождении Елизавета Александра Луиза Алиса) родилась в Дармштадте 1 ноября 1864 года. Будучи протестанткой от рождения, Елизавета (или Элла, как звали её в семье) наследовала от родоначальницы герцогов Гессенских, святой Елизаветы Тюрингской (Венгерской), в честь которой была названа, склонность к благотворительной деятельности. Являясь второй дочерью герцога Гессенского Людвиг IV и принцессы Алисы и внучкой английской королевы Виктории, Елизавета Фёдоровна, как и её младшая сестра Александра Фёдоровна, 3 июня 1884 года была выдана замуж за представителя рода Романовых, великого князя Сергея Александровича, брата императора Александра III. Можно с полной уверенностью сказать, что событие это наложило печать на всю её последующую жизнь, как бы стало знаком её судьбы.

Как и младшая сестра, ставшая русской императрицей, Елизавета Фёдоровна приняла Православие. Но в том и в другом случае есть существенная разница. В то время как Александра Фёдоровна, выходя замуж за наследника Российского престола, законом о престолонаследии обязывалась к перемене веры, Елизавета Фёдоровна сделала этот выбор самостоятельно и даже вопреки воле родителей. Произошло это событие 13 апреля 1891 года, в Лазареву субботу. Подвигла её к этому шагу любовь к мужу, о чём прекрасно написано в книге “Гефсиманский сад”. Как говорится, любовь крепче стали. Фундамент, на котором впоследствии было выстроено здание этой необыкновенной судьбы, оказался настолько прочным, что Елизавета Фёдоровна смогла простить даже убийцу своего мужа. Вообще, от начала и до конца своего мученического пути Елизавета Фёдоровна являла образец истинной христианки.

После убийства мужа, которое произошло 4 февраля 1905 года, Елизавета Фёдоровна отходит от шума светской жизни и целиком посвящает себя служению “униженным и оскорблённым”.

Своё неординарное для светского окружения решение она объяснила так: «Вы можете вслед за многими сказать мне: оставайтесь в своём дворце в роли вдовы и делайте добро «сверху». Но, если я требую от других, чтобы они следовали моим убеждениям, я должна делать то же, что они, сама переживать с ними те же трудности, я должна быть сильной, чтобы их утешать, ободрять своим примером; у меня нет ни ума, ни таланта — ничего у меня нет, кроме любви к Христу, но я слаба; истинность нашей любви к Христу, преданность Ему мы можем выразить, утешая других людей, — именно так мы отдадим Ему свою жизнь...»

Елизавета Фёдоровна создаёт Марфо-Мариинскую обитель, названную в честь благочестивых евангельских сестёр Марфы и Марии, братом которых был тот самый Четверодневный Лазарь, в день воскресения которого Елизавета Фёдоровна приняла Православие.

Продав свое личное имущество и украшения, в 1907 году Елизавета Фёдоровна приобретает у Константина Макаровича Соловьёва на Большой Ордынке особняк, землю, на которой постепенно воздвигаются два храма, лечебница, аптека с бесплатными лекарствами для бедных, детский приют, школа. Заслуживает внимание Устав обители, который приводит в своей книге Наталья Романова. Управляется обитель Советом. В «крестовые» сёстры не постригают, как при монашестве, а посвящают, однако любая из сестёр может принять монашество, а также выйти из обители и вернуться к прежней жизни. Возраст принимаемых на испытание от 21 до 40 лет, но по решению настоятельницы принимались на испытание и лица меньшего возраста. Духовника обители выбирает настоятельница, с последующим утверждением его Митрополитом Московским. Первым и последним настоятелем обители становится орловский протоиерей Митрофан Сребрянский, которого знала и почитала Елизавета Фёдоровна.

Торжественное открытие Марфо-Мариинской обители произошло в 1909 году. В 1910 году в ней было 17 сестёр, а с 1914-го по 1917-й постоянно трудилось 150.

Название книги Натальи Романовой — не случайное. О своём «Гефсиманском саде» Елизавета Фёдоровна заговорила вскоре после ареста и пожелала взойти на российскую Голгофу вместе со своим страдающим народом, решительно отказавшись от возможности покинуть Россию.

Так почему же всё-таки «Гефсиманский сад»?

В Священном Писании упоминается наивысшее молитвенное напряжение Христа, когда капли пота были подобны каплям крови. Суть моления — просьба к Отцу, если возможно, пронести чашу страданий мимо, но с непременным добавлением, «впрочем, не Моя, а Твоя воля да будет» (Лук. 22, 42). В Евангелии от Иоанна ни слова о чаше, всё внимание, вся забота — об учениках и их последователях. Основной смысл молитвы — о сохранении единства. В этом полагается залог спасения, крепости и благополучия. Многократные повторения Христом вслух для учеников слов о единстве говорят о том, что Он уже тогда знал и скорбел о несохранении и попрании единства, что «меч и разделение», о которых ранее упоминал Он, возьмут верх в грешных человеческих сердцах. Эту скорбь пронизаны все слова молитв Его.

Гефсиманское моление Елизаветы Фёдоровны — тоже о заблудших детях России. Она писала:

«Я испытывала глубокую жалость к России и её детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не большой ребёнок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, а не когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет».

Нельзя не отметить, что делами благотворительности Елизавета Фёдоровна занималась ещё до основания Марфо-Мариинской обители. В дни русско-японской войны, например, её стараниями было сформировано несколько санитарных поездов, открыты госпитали для раненых, которые она регулярно посещала, созданы комитеты по обеспечению вдов и сирот, устроен санаторий для раненых недалеко от Новороссийска, в Кремлёвском дворце созданы мастерские женского труда для помощи солдатам, где ежедневно трудилась и сама Елизавета Фёдоровна.

И впоследствии, во время Первой мировой войны Елизавета Фёдоровна помогала в формировании санитарных поездов, отправлении на фронт необходимых лекарств и походных церквей.

Вне стен обители Елизаветой Фёдоровной был устроен дом для чахоточных женщин. Матушка, как стали звать её в округе, постоянно посещала его и никогда не уклонялась от благодарных объятий больных женщин, считая, что здоровье её в руке Божией. Детей умерших женщин Елизавета Фёдоровна устраивала в детские дома, закрытые учебные заведения и приюты. Одна из последних “крестовых сестёр” Марфо-Мариинской обители Надежда вспоминала:

“Как-то одна из сестёр приходит в подвал: молодая мать, туберкулёз в последней стадии, два ребёнка в ногах, голодные, маленький рубашонку натягивает на колени... Глаза у больной блестящие, лихорадочные, умирает, просит устроить детей... Нина вернулась, рассказывает всё. Матушка заволновалась, тут же позвала старшую сестру: “Немедленно – сегодня же – устроить в больницу. Если нет мест, пусть поставят подставную койку!” Девочку взяли к себе в приют. Мальчика определили в детдом... Сколько их было – таких ситуаций, прошедших через Её руки? Без счёта. И в каждой Она участвовала – будто это была единственная близкая Ей судьба”.

Своё повествование Наталья Романова начинает с яркого и очень трогательного эпизода, произошедшего в одном из приютов. Перед визитом Елизаветы Фёдоровны малолетних девочек усердно наставляли: “Войдёт Великая княгиня, вы все – хором: “Здравствуйте!” и – целуйте ручки”. И когда Елизавета Фёдоровна появилась, дети, произнеся хором приветствие, протянули свои маленькие ручки. И на всеобщее удивление все до одной Матушка поцеловала.

Всю книгу “Гефсиманский сад” пронизывают яркие эпизоды, которые берут читателя за душу и ведут к чистоте и свету.

Когда в приюте Серафимо-Дивеевского монастыря началась эпидемия тифа, Елизавета Фёдоровна, не задумываясь, приехала проведать больных. Одна из воспитанниц приюта впоследствии вспоминала:

“И вдруг открылась дверь – и вошла Она. Это было как солнце. Все Её руки были заняты кулками и подарками. Не было кровати, на край которой Она не присела. Её рука легла на каждую лысую головку. Сколько было раздано конфет и игрушек! Ожили, засияли все грустные глазки. Кажется, после Её прихода среди нас уже больше никто не умерал”.

Елизавета Фёдоровна постоянно вместе с другими сёстрами ходила по смрадным переулкам Хитровки. Её жители, потерявшие человеческий облик, вызывали в ней только сострадание. “Подобие Божие, – говорила она, – может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено”.

Своим племянникам Марии и Дмитрию – детям великого князя Павла Александровича – она писала:

“Счастье состоит не в том, чтобы жить во дворце и быть богатым. Настоящее счастье то, которое ни люди, ни события не могут похитить. Ты его найдёшь в жизни души и отдании себя. Постарайся сделать счастливым тех, кто рядом с тобой, и ты сам будешь счастлив”. И ещё: “Ныне трудно найти правду на земле, затопляемую всё сильнее и сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на небе, куда она ушла от нас”.

Игумен Серафим (Кузнецов) так писал о Елизавете Фёдоровне в своей книге “Мученики христианского долга”:

“Покойная была умудрена настолько, что редко ошибалась в людях. Она глубоко скорбела, что епископ Феофан, будучи духовником и духовным руководителем Государыни, верил Григорию Распутину и представил его как редкого в наше время подвижника-прозорливца... Сколько бы Григорий и другие подобные ему люди ни добивались приёма Великой княгини, она в этом отношении была тверда, как алмаз, ни разу никого из таких не принимала...”

С игуменом Серафимом (Кузнецовым), начальником Серафимо-Алексеевского скита Пермской губернии, Елизавета Фёдоровна познакомилась во время паломнической поездки в 1914 году. Впоследствии именно отцу Серафиму выпадет роль хранителя останков Елизаветы Фёдоровны, инокини Варвары и других алапаевских мучеников.

В письме Елизаветы Фёдоровны, адресованном графине Олсуфьевой, имеются такие строки: “Если мы глубоко вникнем в жизнь каждого человека, то увидим, что она полна чудес. Вы скажете, что жизнь полна ужаса и смерти. Да, это так. Но мы ясно не видим, почему кровь этих жертв должна литься. Там, на небесах, они понимают всё и, конечно, обрели покой и настоящую Родину – Небесное Отечество. Мы же, на этой земле, должны устремить

свои мысли к Небесному Царствию, чтобы просвещёнными глазами могли видеть всё и сказать с покорностью: “Да будет воля Твоя”.

Елизавета Фёдоровна была арестована в третий день Святой Пасхи 13 апреля 1918 года. Сначала арестованные и пожелавшие следовать вместе с Елизаветой Фёдоровной лица недолго пробыли в Перми, затем были доставлены в Екатеринбург, где в то время находилась царская семья. Несмотря на все просьбы Елизаветы Фёдоровны о свидании, в нём ей было отказано. Вскоре будущих новомучеников перевезли в шахтёрский городок Алапаевск, находящийся в 146 километрах к северо-востоку от Екатеринбурга. В Алапаевске узников разместили в здании Напольной школы. Вместе с Елизаветой Фёдоровной находились преданная ей сестра обители инокиня Варвара, великий князь Сергей Михайлович, князя Иоанн Константинович, Игорь Константинович, Константин Константинович, Владимир Палей и Фёдор Ремез.

Когда позволяла охрана, местные жители приносили узникам еду, вещи. Сохранилось полотенце с вышитой надписью: “Матушка Великая княгиня Елизавета Феодоровна, не откажись принять, по старому русскому обычаю, хлеб-соль от верных слуг Царя и отечества, крестьян Нейво-Алапаевской волости Верхотурского уезда”.

Мария Артёмовна Чехомова, в то время десятилетняя девочка, вспоминала: “Бывало, мама соберёт в корзиночку яичек, картошечки, шанежек напечёт, накроет сверху чистой тряпочкой и посылает меня. Ты, говорит, по дороге им ещё цветочков нарви... Пускали не всегда, но если пускали, то часов в одиннадцать утра. Принесёшь, а охранники у ворот не пускают, спрашивают: “К кому ты?” — “Вот, матушкам покушать принесла...” — “Ну, ладно, иди”. Матушка выйдет на крыльцо, возьмёт корзиночку, а у самой слёзы текут, отвернётся, смахнёт слезу. “Спасибо, девочка милая, спасибо!” За такую заботу однажды Елизавета Фёдоровна подарила Маше отрез ткани на платье.

Основное повествование в книге “Гефсиманский сад” развивается как раз в Алапаевске, вся канва жизни Елизаветы Фёдоровны показана в виде ретроспекций. Удивительно то, какой ход сюжета дала Наталья Романова! Охранники, приставленные к узникам, поначалу весьма цинично относятся к ним, но постепенно, чем ближе они их узнают, тем больше и больше сами попадают в плен к тем, кого охраняют, но только это плен добра и любви! Автор даже рассказывает историю “о благоразумном разбойнике” — о духовном преображении одного из охранников. Она описывает попытку устроить побег, от которого Великая княгиня, разумеется, отказалась. Пребывание Великой княгини в Напольной школе ассоциируется с молением Господа в Гефсиманском саду. Именно тут окончательно созрел плод веры. И в итоге все охранники, кроме одного, отказываются принимать участие в казни. Их дальнейшая судьба не известна, но, скорее всего, плачевна. На их место пришли другие, столь же циничные, какими были те в начале повествования.

Елизавета Фёдоровна и те, кто находился с ней в заключении, были сброшены в старую шахту глубиной около 60 метров 18 июля 1918 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского (день Ангела мужа Елизаветы Фёдоровны). Шахта была закидана ручными гранатами. Но несмотря на это, некоторые из упавших, в том числе и сама Елизавета Фёдоровна, некоторое время оставались живыми. Как установило следствие, назначенное генерал-лейтенантом Дитерихсом, Великая княгиня даже смогла перевязать тканью от своего апостольника раны князю Иоанну Константиновичу.

Русской Православной Церковью за границей все алапаевские мученики, кроме Фёдора Ремеза, сброшенного в шахту последним, были причислены к лику святых. Русская Православная Церковь канонизировала только Елизавету Фёдоровну и инокиню Варвару. Но всё это будет потом, а пока извлечённые из шахты тела обмыли, одели в белые одежды и положили в гробы, которые поставили в кладбищенской церкви Алапаевска.

Это произошло 27 октября 1918 года. Накануне дня рождения Великой княгини отслужили панихиду, и гробы при большом стечении народа перенесли в Свято-Троицкий собор. По заупокойной Литургии было совершено отпевание и погребение в соборном склепе. Всё это было устроено по распоряжению адмирала Колчака.

Как ни старались власти, разыграв сцену бегства в здании Напольной школы, скрыть своё злодеяние, сделать этого не удалось, как, впрочем, и в случае с царственными мучениками. Однако останкам царственных мучеников “повез-

ло” меньше. Их местопребывание неизвестно до сих пор. А вот об останках алапаевских мучеников всё доподлинно известно. Их спасение от наступающих войск Красной армии было поручено игумену Серафиму (Кузнецову).

В июне 1919 года с разрешения адмирала Колчака они были вывезены из Алапаевска. Был самый разгар гражданской войны. Восемь гробов поместили в товарный вагон и отправили в Читу, куда они прибыли в конце августа. При помощи казачьего атамана Семёнова тела алапаевских мучеников доставили в Покровский женский монастырь. Отцу Серафиму была выделена келья, под полом которой были размещены гробы.

Осенью в Читу прибыла следственная группа во главе со следователем по особо важным делам Соколовым, назначенным адмиралом Колчаком для расследования убийств царских и алапаевских мучеников.

В марте 1920 года, ввиду вновь надвинувшейся опасности, благодаря золоту сожительницы атамана Семёнова Марии Глебовой, игумену Серафиму удалось вывезти останки алапаевских мучеников из Читы. Однако на станции Хайдар, в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, на несколько дней власть перешла к повстанцам, руководимым большевиками. Они захватили поезд, ворвались в вагон и принялись вскрывать гробы. Отец Серафим обратился за помощью к командующему китайскими войсками. Посланный китайцами отряд отбил у восставших поезд. Вскоре останки были доставлены в Харбин. Гробы поставили в русской церкви, а 20 апреля перевезли в Пекин. Однако в Пекине действовал указ, запрещающий вносить в город тела умерших, а территория Русской духовной миссии находилась внутри городской стены. Ввиду этого останки захоронили в склепе кладбищенского храма преподобного Серафима Саровского, который находился за городской стеной.

Попечением принцессы Баттенбергской Виктории, родной сестры Елизаветы Фёдоровны, тела Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары были перевезены в Иерусалим. Сопровождал гробы игумен Серафим. Дорога лежала через Тяньцзинь, затем пароходом до Шанхая, а в конце января 1921 года они пристали в египетском Порт-Саиде. Останки встречала сама принцесса Виктория. 28 января тела алапаевских мучеников прибыли в Иерусалим. Останки были помещены в церкви святой Марии Магдалины в Гефсимании.

Останки остальных мучеников, так же, как и останки царственных мучеников, исчезли. В 1938 году во время японской оккупации они были помещены в склепе храма Всех Святых на территории Русской духовной миссии. А в 1947 году, в связи с угрозой прихода к власти большевиков, были спрятаны под полом придела Апостола Симона Зилота. В 1954 году храм закрыли, а затем снесли. На его месте соорудили детскую площадку. Однако мощи были перенесены в кладбищенский храм преподобного Серафима Саровского. Но и он в 1986 году был снесён, на месте кладбища устроен парк с искусственным водоёмом. С этого времени тела алапаевских мучеников, кроме останков Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары, считаются утерянными.

В 1981 году, накануне канонизации алапаевских мучеников Русской Православной Церковью за границей, гробницы мучениц были вскрыты. Когда вскрыли гроб с телом Великой княгини, всё помещение наполнилось благоуханием. Мощи, которые оказались частично нетленными, перенесли из усыпальницы в храм святой Марии Магдалины в Иерусалиме. Там, в Гефсиманском саду на склоне Елеонской горы, они находятся и поныне.

Главное достоинство книги Натальи Романовой “Гефсиманский сад” видится мне в том, что, несмотря на описание событий весьма печальных, по прочтении её остаётся именно это ощущение – ощущение благоухания.

Русская Православная Церковь причислила преподобномученицу Великую княгиню Елизавету и инокиню Варвару к лику новомучеников Российских в 1992 году. День памяти их – день их мученической кончины, 18 июля по новому и 5 июля по старому стилю. В молитве Елизавета Фёдоровна именуется “богомудрой”, почтившей Христа “сугубым служением Марфы и Марии”.